

Сердце Хэ Сижаня билось медленно. Но когда он посмотрел в яркие глаза Су Аня, он на самом деле не чувствовал себя очень спокойно.

Это очень загадочное чувство. Как будто человек перед ним мог влиять на его эмоции, заставляя его производить некоторые изменения, которых он никогда раньше не видел.

Су Ань толкнул его силой руки, словно кошка царапала: «Отпусти меня».

У Хэ Сижаня зачесалось горло, и он слегка кашлянул, затем он посмотрел на маленькие искорки в глазах Су Аня и почувствовал, что у него возникла какая-то злая мысль. Он насильно сдержался и сказал себе спокойно, здесь нельзя заставить этого человека плакать.

— От того, что я заберу твою сестру, мне не будет никакой пользы. Он сказал.

Глаза Су Аня расширились: «Как это может быть бесполезно? Специальному помощнику Чу нравится моя сестра. Когда ты заберешь мою сестру, разве он не будет усердно работать на тебя?»

Затем последовал набор слов, чтобы одурачить¹ человека: «Дядя, подумай об этом серьезно. Моя сестра находится в том же затруднительном положении, что и г-жа Хэ. Ты не спас госпожу Хэ, почему бы тебе не попытаться спасти мою сестру сейчас?»

Взгляд Хэ Сижаня переместился на рот Су Аня, который продолжал говорить и мог сказать сотню причин. Сколько бы Су Ань ни говорил, Хэ Сижань все равно выглядел так, будто был в трансе, Су Ань разочаровался: «Чего ты хочешь».

— Ты притворяешься глупым, — рассеянно пришел в себя Хэ Сижань, — прежде чем вернуться домой, придумай мне повод согласиться на это убыточное дело.

Глаза Су Аня были красными, и он использовал ту же уловку, что и с Шэнь Чжансю: «Дядя, не делай этого».

Хэ Сижань ущипнул его за щеки, и в его глазах, казалось, была слабая насмешка: «Где слезы?»

Су Ань: «...»

Черт возьми, правда.

Они подошли к двери отеля, и когда они прошли сцену с фортепиано, Су Ань взглянул на красивого пианиста. Такой красивый, что ему нравятся состоятельные мужчины, умеющие играть на музыкальных инструментах.

Когда он вернулся, он молчал на полпути. Су Ань не знал, правда ли то, что сказал Хэ Сижань, но он не мог делать ставку на догадки. Поскольку Чэн Суцин отогнала его и сказала ему что-то подобное, Су Ань не мог игнорировать Суцин.

Несмотря ни на что, он должен благополучно забрать свою сестру. Он не может оставить ее в руках Шэнь Чжансю.

На самом деле, Су Ань не отказывается кататься в постели с Хэ Сижанем.

Хэ Сижань красив и у него отличная фигура. Су Аню очень нравятся его глаза смешанной расы, оттенки меняются, как если бы они были покрыты таинственной пеленой. Везде хорошо, но первый опыт Су Аня был настолько яростным, что все его тело было в периоде пустоты после обильной еды², и его душа снова была омыта.

Он просто хочет воздерживаться от употребления мяса и молиться Будде и не хочет играть с мужчинами.

Он был счастлив и напуган. Хэ Сижань является полным только прежним. Снова и снова его необычная осанка и поведение были подлинным признаком того, что ему это нравилось. Даже с картиной он не прикасался к кисти несколько дней.

—Для человека, который даже жил в студии, Су Ань действительно считал это предзнаменование не очень хорошим.

Как Хэ Сижань может считаться успешным мужчиной, в него невозможно влюбиться после того, как он переспал с ним один раз, верно?

О нет, это тоже возможно.

Ведь он такой очаровательный.

Шестьдесят секунд красный свет.

Хэ Сижань остановил машину. Был час пик, дорога была забита машинами, на первый взгляд она была плотной и непроходимой.

Су Ань втайне радовался, что это, по крайней мере, дало ему время отложить размышления.

По крайней мере, попытаться провести финальную битву³.

«Дядя, — Су Ань опустил голову и сцепил ногти, чтобы избежать вопроса, — ты pomoжешь

мне? Ты сможешь мне забрать мою сестру, и я могу дать тебе деньги».

«Ты богат?» Голос Хэ Сижаня был немного холодным.

«Есть немного, — Су Ань сжал расстояние в один сантиметр между большим и указательным пальцами, — все в порядке?»

Эти деньги все еще были деньгами, которые Хэ Сижань давал ему, когда он раньше проводил различные «проверки». Эх, считая первые три дня, было пять миллионов.

Су Ань вспомнил деньги на карте. Увидев глаза Хэ Сижаня, это не могло не принести облегчение.

Человек глупый и имеет много денег. Это второе преимущество Хэ Сижаня, помимо красоты.

Он мягко добавил: «Несколько миллионов, этого достаточно?»

Хэ Сижань даже не подумал об этом: «Недостаточно».

Су Ань: «...»

Он определенно просит переспать с ним.

...захватывающе.

Красный свет закончился, и машина начала медленно двигаться. Когда машина снова остановилась, Су Ань оперся руками о спинку сиденья, поднял верхнюю часть тела и поцеловал татуировку рядом с ключицей Хэ Сижаня.

Адамово яблоко мужчины выпячивалось, и Су Ань несколько шатко прикусил его адамово яблоко: «Дядя».

«Эн». Хэ Сижань взял его за затылок и слегка потер его. Прижав его, он сказал хриплым голосом: — Обещаю.

***

Чэн Сучин снова очнулась ото сна, запах густого пота был неприятным. Удушье от сна постепенно прошло, она устало встала и налила стакан воды.

После того, как она выпила стакан воды, ее напряженные эмоции ослабли. Чэн Суцин погладила по низу живота и вдруг сильно шлепнула по нему и злобно сказала: «С*ка, кто сказал тебе приходить!»

Ее лицо скривилось от боли, и она дважды быстро потерла живот.

Чэн Суцин и Шэнь Чжансю уже разорвали себе лица. Теперь она жила в доме Шэнь, как в волчьей берлоге. Ножницы под подушкой спрятаны наглухо. У Чэн Суцин уже есть планы, если Шэнь Чжансю снова зайдет слишком далеко, в худшем случае она умрет вместе с ним.

Она сказала Су Аню, что не имеет к ним никакого отношения, жив Чу Линь или мертв, но на самом деле Чэн Суцин уже была в хаосе. Она и Чу Линь были связаны на всю жизнь. Независимо от того, ошибался ли он или она, Чэн Суцин никогда не ожидала, что Чу Линь исчезнет у нее на глазах.

Любовь и ненависть, прошлое Чу Линя стало веревкой, связывающей ее конечности. Туго, как оковы. Чэн Суцин не может вырваться на свободу.

Ее делом было отомстить Чу Линю, и она была единственной, кто мог заставить Чу Линя почувствовать боль.

Если нет объекта мести, деньги бесполезны, косметика бесполезна. Су Ань сбежал, и Чэн Суцин не о чем было беспокоиться.

Единственное, о чем она сожалеет, так это о ребенке в своем чреве.

На следующий день слуга вошел, чтобы убрать комнату, и кто-то воспользовался возможностью, чтобы передать Чэн Суцин записку.

Чэн Суцин была озадачена. Когда никого не было рядом, она открыла записку и прочитала ее. Ее пальцы дрожали, и она неверяще подпрыгнула.

В ней была написана только одна строчка почерком Чу Линя:

А Цин, подожди, пока я тебя заберу.

***

Су Ань с облегчением оставил это дело Хэ Сижаню.

Его привез домой Хэ Сижань, и еще через день он снова лег на знакомую кровать, и прошла

усталая ночь. Рано утром следующего дня Хэ Сижань отнес Су Аня, который был сонливым, в гостиную.

Ночная рубашка Су Аня была свободной, как будто носить ее — все равно, что не носить ничего. Хэ Сижань посадил его к себе на колени и сел в угол перед пианино, которое привезли сегодня утром.

Его за руку держал мужчина, прыгая по черно-белым клавишам и играя на басу.

У Хэ Сижаня во рту была сигарета, дым был густым, затем он взял Су Аня за руку, и сломанный звук пианино медленно соединился в мелодию.

«Так шумно», глаза Су Аня все еще были закрыты, а брови нахмурены, «Ву, так хочется спать».

Как бы он ни любил фортепианную музыку, этот ребенок сейчас ее ненавидит. Он хотел выдернуть руку, но рука была слабой и легко сдавливалась.

Су Ань с трудом открыл глаза, и его прекрасные белые зубы показались: «Ты болен, Хэ Сижань?»

Хэ Сижань надавил своим дымом на клавиши пианино, затем положил на него Су Аня, вызвав громкий шум.

— Позови дядю. Хэ Сижань приказал без пощады.

Су Ань больше не мог сдерживаться. Он открыл рот и яростно прикусил палец, вонючий дядя.

Его ноги дрожали: «Дядя, мне сегодня нужно идти на занятия».

Дядя Хэ остановился, поднял его и пошел к двери. Су Ань воскликнул: «Я голый!»

Хэ Сижань продолжал идти, все быстрее и быстрее.

Су Ань уткнулся ему в шею, задыхаясь, и фальшиво плакал: «Дядя, дядя».

— Будь добр, — Хэ Сижань остановился у двери и хриплым голосом сказал: — Поплачь еще два раза.

Су Ань: «...» В этот момент я уже думал, в какой могиле тебя похоронить.

Он вспомнил кое-что, что говорил раньше.

— С таким человеком, как Хэ Сижань, весело играть один раз, но если ты продолжишь играть, ты умрешь.

Его мысли никогда не были более ясными.

Когда дело Чэн Сучин закончится, он сбежит. Быстро сбежит.

***

Когда Су Ань наконец вернулся, чтобы сесть в класс, он неожиданно почувствовал, что целая жизнь уже прошла.

Его сосед по столу обеспокоенно посмотрел на него: «Су Ань, почему ты взял столько выходных подряд?»

«Я болел, — устало опустился на стол Су Ань, — Хуан Шань, одолжи мне копию домашнего задания».

Что касается роли студента, он не отказался от лечения.

Жизнь в кампусе сделает людей чистыми. Су Ань просто пошел в школу на день и почувствовал, что его желтоватая душа снова стала чистой. Во время большого перерыва его сосед по парте внезапно воскликнул: «Су Ань, картина Хэ Сижаня для школы закончена».

Су Ань наклонился, а его сосед просматривал сообщения школьного форума и бормотал: «Это первая картина, которую Хэ Сижань нарисовал в этом году. Различные журналы уже давно опубликовали свои оценки. Принято считать, что эта картина соответствует уровню Хэ Сижаня и может стоять рядом с его работами двух предыдущих лет. Ха-ха-ха, смотри, прежде они говорили, что Хэ Сижань давно исчерпал свой талант, а сейчас они смеют говорить это!

«Хорошая картина?» Су Ань моргнул и спросил, он ничего не видел.

Хуан Шань тоже колебался: «Это очень хорошо, иначе почему эти люди так взволнованы? Как и ожидалось от Хэ Сижаня, на написание такой картины ушло неделя или две. За неделю или две человек может заработать деньги, которые я никогда не заработал бы за всю жизнь».

Су Ань смотрел на картину на экране сложными глазами.

Нет, эта картина делалась вовсе не неделю и не две. Картина, которую Хэ Сижань ранее

нарисовал для школы, вовсе не была этой картиной. Тогда есть только одно объяснение, он отказался от предыдущей, а картину выполнил с высокой степенью совершенства и прервал слух о том, что «никогда больше не сможет писать».

Но в эти несколько дней, где Хэ Сижань взял время для рисования, когда все его время было потрачено на Су Аня. В этой картине он не видел ни ауры, ни мысли дворянского живописца, только небрежные мазки и взмахи кисти.

Похоже, этот старый ублюдок вышел из периода бутылочного горлышка.

Идея внезапно промелькнула в голове Су Аня, и он не смог сдержать смех.

Не может быть, чтобы, несмотря на курение, он все еще ничего не мог нарисовать, он обнаружил, что теперь может рисовать картину после того, как повалялся с ним в постели.

Хахахаха, какого черта, помогите, не могу перестать смеяться.

***

1. 吓唬- /hū you/ заставить кого-либо

сделать что-либо

2. 大鱼大肉- /dà yú dà ròu/

блюда с большим количеством мяса и рыбы/обильная еда

3. 垂死挣扎 / chuí sǐ zhēng zhá / борьба на

смертном одре / последняя битва (идиома)

<http://bllate.org/book/15646/1398798>